

НУЖНА НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ СИЛОВОЙ БЮРОКРАТИИ

Ольга Крыштановская

Ольга Крыштановская — доктор социологических наук, директор Института прикладной политики, крупнейший специалист по современным российским элитам. Автор книги «Анатомия российской элиты» (М., 2005)

За последнее время в российской политической системе влияние силовой бюрократии несколько уменьшилось. Владимир Путин привел силовиков на многие важные государственные посты, в итоге они вышли из тени и занялись публичной политикой. Команда Путина по-прежнему сохраняется. Но сегодня ее члены уже не столько представители силовой бюрократии, сколько просто политики. Хотя, конечно, их ментальность имеет свои особенности. Тем не менее не-

что отдельные люди из команды Путина занимают высокие посты и обладают личным влиянием.

При этом сами силовые структуры как раз находятся на острие критики. В 1990-е годы в центре критики находилась ФСБ, особенно та ее часть, которая занимается контрразведкой. В результате был нанесен урон этим структурам. Сегодня то же самое происходит в отношении милиции. Это не значит, что критиковать нельзя. Но сегодня в МВД нет ясности, что будет дальше, как их реформируют, к чему эти реформы приведут, — и это не усиливает, а ослабляет силовую составляющую власти.

Очевидно, что сейчас не время силовой бюрократии.

Прямой связи между снижением веса силовой бюрократии и укреплением политической системы нет. Укрепление политической системы — это прежде всего укрепление институтов. Если силовая бюрократия хорошо исполняет свои функции, то это способствует упрочению политической системы. И не важно, увеличивает или сокращает свою численность эта группа. Сегодня проблема заключается в том, что силовая бюрократия функционирует недостаточно эффективно.

Главный запрос к политической системе — запрос на модернизацию, а значит, на грамотную, современно мыслящую бюрократию. Между тем сило-

вая милиция, до сих пор советская контрразведка. Сложнее говорить про разведку по причине повышенной секретности ее деятельности. В итоге возникают перекосы: идеологическая подкладка работы силовых структур старая, а жизнь сильно изменилась за последние двадцать лет. Одно не соответствует другому. И ФСБ, и МВД не справляются с этими изменениями. Возникает коррупция: сотрудники этих структур видят, как вокруг все богатеет, и, вместо того чтобы защищать общественный порядок, стремятся к собственному обогащению.

Повышение эффективности силовых ведомств — задача комплексная. Стоит начать ее решать с переосмысления их роли и функций. Скажем, они должны беречь частную собственность или высасывать из нее все соки? Должны ли они воспринимать бизнес как внутреннего врага, как воспринимают сейчас? Выработка подобной доктрины — это, безусловно, глобальная постановка вопроса. Но подобная доктрина обязательно должна появиться. Скорее всего, ее нужно выработать не самим силовым структурам, а внешним по отношению к ним властям. Предполагаю, что так и будет. Пока же силовая бюрократия работает на советской доктрине, что ведет к жутким перекосам.

Иной вопрос — закручивание гаек со стороны силовой бюрократии в условиях чрезвычайных ситуаций. Вполне естественно, что любой кризис — это время, когда роль силовой бюрократии возрастает. Как только ситуация в стране дестабилизируется, в обществе возникает ожидание, что силовые ведомства наведут порядок. Они отвечают за порядок, поэтому кризис — это их дело.

Бюрократическую систему в России в ситуации чрезвычайного положения сложно назвать надежной

правомерно сегодня утверждать, что роль ФСБ, МВД, а тем паче армии чрезмерна. Можно говорить только о том,

вые ведомства иногда работают, исходя из той же философии, что сложилась в советское время. У нас до сих пор совет-

Конечно, существует вероятность, что кто-то захочет использовать теракты в московском метро для того, чтобы начать закручивать гайки. Но на самом деле об этом говорить еще рано. Терракт — это ужасно. Однако сказать, что он вызвал дестабилизацию по всей стране, — это сделать слишком большой комплимент террористам. Ситуация не дестабилизирована. Хотя люди пережили огромный стресс. Силовики — и следственные органы, и спасатели, и милиция — должны мобилизоваться и делать свою работу. Но нет никаких оснований для того, чтобы приходиться к далеко идущим политическим выводам.

При дальнейшей либерализации политической системы **силовая вертикаль, сложившаяся за последнее десятилетие, должна обязательно сохраниться. Все-таки это один из мощнейших ресурсов власти.** Нет ни одного общества, ни одной страны, в которой не было бы милиции, как бы она ни называлась, то есть сил общественного порядка. Разведка и контрразведка где-то сильнее, где-то слабее, но, по крайней мере, служба охраны порядка обязательно должна существовать. Точно так же, как должна быть вертикаль власти и нормально функционирующая бюрократическая машина.

Но и здесь проблема в том, что на сегодняшний день работа милиции основывается на старой, советской доктрине. Как они раньше ненавидели спекулянтов, так теперь они ненавидят бизнесменов. Совершенно непонятно, должны ли они охранять частную собственность, и если да, то как они это могли бы делать. Или они не должны ее охранять, а наоборот, им нужно бдеть и воспринимать деятельность бизнеса в качестве потенциальной криминальной угрозы. Нормализация деятельности силовых структур должна начаться с того, что каждому милиционеру будет внятно и ясно объяснено, что входит в его обязанности, как он должен относиться к населению. К сожалению, у нас сложилось общество, в котором каждый подозревает каждого в воровстве. Уважаемых людей в супермаркете так же подозревают неизвестно в чем, как и неуважаемых, обыскивают, заставляют доказывать, что ты ничего не своровал. А общество в свою очередь так и делает — люди воруют, если есть для этого возможность. Поэтому вопрос шире, чем просто работа милиции. Вопрос в нашей политической культуре, впрочем, как и в культуре общества в целом.

Бюрократическую систему в России в ситуации чрезвычайного положения сложно назвать надежной. Пока существует коррупция, есть элемент ненадежности. Пока за деньги можно заставить чиновника действовать тем или иным образом, нет принципа единоначалия. Всем нельзя, а за взятку лично тебе — можно. Так не может работать силовое ведомство. Это неизбежно создает угрозу безопасности. ■

Специально для РЖ

КОНТРОЛЬ СИЛОВОЙ БЮРОКРАТИИ — ЗАЛОГ ПЕРЕМЕН В РОССИИ

КАРЛ РЬЯВЕК — американский историк-русолог и политолог, заслуженный профессор политологии Массачусетского университета (Амхерст), автор ряда исследований по истории российской бюрократии, в том числе «Russian Bureaucracy: Power and Pathology» (2005) Специально для РЖ

Российскую бюрократию можно с уверенностью рассматривать как одну из общественных прослоек. Большинство **сколь-нибудь мыслящих бюрократов относится к среднему классу, но эшелоны высокопоставленных бюрократов с выслугой лет относятся к «высшему классу».** Можно брать в расчет доход, а также имущество для определения их места в данной иерархии. Дмитрий Медведев — мыслящий бюрократ. Идеальный ли он бюрократ — это вопрос к самим русским.

Бюрократическое мышление типично для многих стран. С ним часто сталкиваются и французы, хотя, конечно же, во Франции свой идеал руководящего бюрократа. Жискара д'Эстен представлял собой такого бюрократа высшего разряда благодаря тому, например, что обладал способностью на протяжении многих часов высказывать авторитетное мнение, опираясь на статистические данные.

Бюрократическое мышление может быть результатом давления нормативов и принятого в бюрократической среде порядка, которые неизбежно меняют людей. Оно также формируется на основе взглядов более опытных бюрократов, мнение которых важно для молодого поколения, так как сулит им вознаграждения как материального, так и нематериального плана

(продвижение по карьерной лестнице). Безусловно, существуют такие типы людей, которые уважают и подражают методам мышления и манерам поведения бюрократов. Идеология бюрократии коренится в ее культуре и, конечно же, в ее нуждах, как материальных, так и психологических. Бюрократия может быть очень «дружественной» средой для человека.

В России существует своего рода культ государства. Этого, похоже, нет в США. Считается, что подобный культ есть и во Франции, где людям кажется, что бюрократия может защитить их друг от друга.

Любого рода реальные перемены в России требуют создания своего рода государственной бюрократии, по крайней мере, в отдельных ключевых секторах, в особенности в органах безопасности и внутренних дел. Российским военным, возможно, тоже необходимы серьезные перемены, но они, по крайней мере, не пытаются править сами по себе. Однако сложно сказать, как далеко готовы пойти российские реформаторы в перестройке бюрократии.

Кто является главным противником бюрократии в России? Рассуждая объективно, можно предположить, что в конце концов бизнес начнет «урезать» бюрократию. Таков, по крайней мере, будет эффект его влияния. ■